

GALINA SHOOKOVA

Российская академия образования, Москва

Модус отношения к проблематике психологии межвидового взаимодействия человека и домашних животных как индикатор личностной зрелости*

В последние десятилетия вопросы взаимодействия человека и животного (причём, чаще домашнего) стали весьма актуальным исследовательским направлением в психологической науке, о чём свидетельствуют многочисленные публикации различных обзоров¹ и статей², наличие специализированных международных журналов, проведение тематических конференций. Заметим, однако, что в России психологические исследования межвидового взаимодействия человека и домашних животных всё ещё единичны.

Интерес исследователей к новому направлению научного познания, еще совсем недавно занимавшему скромное «зоопсихологическое» место и до

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 13-06-687 «Психологическое взаимодействие и межвидовая коммуникация с домашними животными в условиях городской среды».

¹ G. HOSEY, V. MELFI: *Human-animal interactions, relationships and bonds: a review and analysis of the literature*. «International Journal of Comparative Psychology» 2014, v. 27, № 1, p. 117–142.

² K.B. HURLEY: *Development and Human-Animal Interaction*. «Human Development» 2014, v. 57, № 1. www.karger.com/Article/FullText/357795. Дата последнего обращения 16.05.2014; С. VITZTUM: *Human-Animal Interaction: A Concept Analysis*. «International Journal of Nursing Knowledge», v. 24, № 1, p. 30–36. Г.В. Шукова: *Межвидовое взаимодействие человека и домашних животных как предмет эконихологического исследования*. В: *Эконихологические исследования – 3: сб. науч. ст.* Ред. В.И. Панов. Санкт-Петербург, Нестор-История, 2013, с. 76–109.

сих пор слабо изученному, носит не только академический характер. Можно также говорить о вовлечённости представителей научного сообщества в очевидный тренд постиндустриального общества – во всем мире растёт число семей, имеющих домашних питомцев. Так, в 60% американских семей есть по крайней мере одно животное-компаньон³, схожая статистика собрана и по России – 59% россиян являются владельцами домашних животных⁴. В связи с вышеизложенным, растёт число исследователей, которым интересен путь научного осмысления данного феномена.

История отношения человека и животных, в том числе и домашних, веками развёртывалась между полюсами прагматизма и поклонения, сложившись в итоге в практику содержания сельскохозяйственных и домашних животных в утилитарных целях, когда позиционирование животного в качестве домашнего любимца было исключением, подтверждающим правило. И лишь в новейшее время взаимодействие на регулярной основе людей с животными как с субъектами исключительно общения, привязанности, заботы, любви становится если не правилом, то массовой поведенческой нормой, наряду с традиционным утилитаризмом. В 63% американских домохозяйств собаки считаются полноправными членами семьи⁵. Такой способ *Human-Animal Interaction* может быть обозначен как *pet*-взаимодействие (англ. *pet* – любимое животное), когда отношение к животному во многом определяется нормами отношений между людьми.

Относительная новизна (в случае России) *pet*-взаимодействия и как достаточно массового общественного явления, и как научной проблематики порождает феномен амбивалентности его оценок не только в социальной, но и в познавательной практике. Ни общество, ни наука ещё не определились с оценкой потенциала и полезности такого взаимодействия. Социально-психологическая нормативная система для данной области реальности активно формируется сегодня в российском общественном сознании. Точнее – она практически сформирована как норма гуманного («человеческого») отношения к животным, но интериоризована лишь очень небольшой частью российского общества, вовлечённой в активное *pet*-взаимодействие, а потому пока не обрела статуса широкой социальной нормативности.

³ L. MARINELLI, S. ADAMELLI, S. NORMANDO, G. BONO: *Quality of life of the pet dog: Influence of owner and dog's characteristics*. «Applied Animal Behaviour Science» 2007, v. 108, p. 143–156.

⁴ Зоопарк на дому: «Московская правда»: ежедневная газета, 14.04.2014, № 78 (27666), с. 2.

⁵ M.A. OYAMA, J.A. SERPEL: *General Commentary: Rethinking the role of animals in human well-being*. «Frontiers in Psychology» 2013, № 25, June. <http://journal.frontiersin.org/Journal/10.3389/fpsyg.2013.00374/full>. Дата последнего обращения 17.05.2014.

В области научного познания факт новизны и неоднозначности явления *pet*-взаимодействия становится, как нам кажется, причиной экстраполяции членами научного сообщества личного отношения к животным как на отношение к самой возможности такого исследования, так и на содержание предмета психологического исследования межвидовой проблематики. При оценке исследования *pet*-отношений человека большинством российских исследователей частная позиция зачастую негласно принимается в качестве теоретико-методологического основания: отказ от признания ценности *pet*-взаимодействия, нелюбовь к животным автоматически означает неочевидность ценности исследования этой области реальности, восприятие содержания *pet*-отношений как деструктивного и дисгармоничного. И наоборот: позитивное отношение к межвидовому взаимодействию также может привести к искажениям в виде, например, гало-эффектов при интерпретации ученым полученных эмпирических данных.

Иными словами, модус частной эмоциональной реакции определяет выбор исследовательской парадигмы – и в этом уникальность обсуждаемой исследовательской проблематики. Подобное можно наблюдать разве что в области исследования психологических аспектов современных информационных и коммуникационных технологий, хотя и в гораздо более слабой форме – здесь со стороны научного сообщества нет иронично-негативного отношения к самому факту изучения «цифрового» поведения человека, каковое имеет место при изучении межвидового взаимодействия.

Негативное отношение канализируется не только непосредственно – в виде обесценивания обращения «человеческого» психолога к межвидовому локусу психики человека, но и косвенно – в утверждении безусловной дефицитарности его *pet*-отношений. Так, адептами теории семейных систем М. Боуэна наличие животного (преимущественно собаки) в семье рассматривается как основание для квалификации такой семьи в качестве дисфункциональной, а само животное позиционируется как мощный фактор стагнации существующих в семье психологических проблем, что не позволяет семье развиваться⁶. Приобретая животное, переживающая кризис семья организует таким образом способ канализации нарастающего напряжения. Практически всегда этот способ дисфункционален, потому что источник напряжения не исчезает, а просто отодвигается на задний план⁷. Но такое может происходить не только в случае семей, строящих взаимодействие вокруг животного, но в первую очередь – вокруг ребёнка, финансовых проблем и т.д. Спорность такого подхода, таким обра-

⁶ Е.Ю. Федорович: *Домашние питомцы как функциональные члены семьи*: доклад. <http://do.gendocs.ru/docs/index-122594.html>. Дата последнего обращения 24.05.2013.

⁷ А.Я. Варга, Е.Ю. Федорович: *О психологической роли домашних питомцев в семье*. «Вестник Московского государственного областного университета. Серия Психологические науки» 2009, т. 1, № 3, с. 22–35.

зом, выявляется только в уровне обобщения потенциальных издержек *pet*-взаимодействия: владение животным не есть безусловный признак психологической дефицитарности человека, как утверждают обсуждаемые авторы, задаваясь, тем не менее, вопросом, почему «некоторые семьи включают домашних животных в систему, некоторые – нет, а некоторые живут без животных»⁸, и оставляя его без ответа.

Поиск ответов на вопросы о том, почему люди становятся *pet*-собственниками, а также почему для одних людей важно «человеческое» общение с животным, для других – сугубо прагматическое, для третьих ценно его полное отсутствие, составил содержание исследования⁹ феномена *pet*-отношений человека с точки зрения его причинности на уровнях потребностного и личностного анализа. Была поставлена задача сравнить особенности потребностно-мотивационной и личностной сфер владельцев домашних животных и лиц, домашних животных не имеющих.

Выборку исследования составили 83 жителя Москвы и городов ближайшего Подмосковья: 38 мужчин и 45 женщин в возрасте от 15 до 84 лет ($M=49$; $S=16,25$). У 44 человек были собаки (группа «Владельцы»), а у 39 человек не было никаких домашних животных («Невладельцы»). Среди последних оказались категорические противники содержания в городской квартире домашнего животного ($n=11$) и не возражающие против содержания животных в квартире, но не стремящиеся к этому ($n=28$). В группе «Владельцы» вошли только так называемые «прикрепленные» хозяева собак, для которых характерны потребность в *pet*-общении с собакой, осознанность своего статуса владельца животного, ответственность по отношению к нему и высокая включенность животного в жизнь человека/семьи. Степень «прикрепленности» оценивалась по результатам серии наблюдений за взаимодействием в каждой конкретной межвидовой группе «человек – собака» и по оценке владельцем роли питомца в его жизни. Респонденты приписывали своей собаке определенный статус из ряда предложенных, начиная от сугубо инструментальных («источник дохода», «фактор престижа» и т.п.) и заканчивая субъектными («друг», «член семьи»). 68% участников позиционировали своё животное как члена семьи (из них однозначно, а не в ряду других характеристик – 43%); инструментальных («объектных») выборов зафиксировано не было.

Выборка участников была поляризована по ключевой для исследования переменной «Отношение к домашней собаке» между полюсами «собака неприемлема в моей жизни» – «собака необходима в моей жизни». Половая принадлежность исследуемых: 38 мужчин (19 владельцев/19 не-

⁸ Там же, с. 33.

⁹ Г.В. Шукова, М.И. Григорьева: *Некоторые психологические особенности человека как субъекта межвидового взаимодействия в диаде «человек – домашнее животное»*. «Ученые записки ЗГУ» 2014, № 5, с. 99–109.

владельцев), 45 женщин (25/20); 59 человек имели высшее образование; половина респондентов ($n=43$) – представители интеллектуальных профессий. По возрасту группы владельцев и невладелецев уравниены только на уровне поколений, но объём возрастных групп разный: 65% респондентов – лица в возрасте 40-60 лет.

Методический инструментарий исследования составили методика диагностики субъектификации природных объектов¹⁰ и технология диагностики личности по структуре ее индивидуальной категориальной системы ТЕЗАЛ¹¹. Первая методика позволяет определить уровень развития у человека способности воспринимать объект природы субъектно (т.е. субъектифицировать его). В качестве «объекта природы» используется домашняя собака. Вторая методика, т.е. компьютерная интерактивная система стандартизованной интерпретации тестов и описаний личности, разработанная в рамках психосемантического подхода к исследованию личности, даёт возможность перевести созданный испытуемым небольшой перечень неких личностных черт в данные некоторых классических личностных опросников; в частности, получить диагностический профиль респондента по типу 16 PF¹². Иначе говоря, 5-6-ти слов, названных респондентом, достаточно для составления его личностного портрета в координатах 16-факторного личностного опросника (притом в его психометрически корректной и адаптированной русскоязычной форме¹³). Такая замена личностного опросника косвенной процедурой диагностики позволяет, во-первых, существенно сократить длительность диагностирования, что немаловажно с учётом особенностей многих современных испытуемых, с трудом преодолевающих барьер даже небольшой интеллектуальной нагрузки. Во-вторых, появляется возможность существенно расширить поле интерпретации, поскольку в нашем исследовании респонденты атрибутировали черты личности не только самим себе (что, по мысли разработчиков ТЕЗАЛ, соответствует работе испытуемого с опросником 16 PF и позволяет установить его личностные особенности), но и проводили категоризацию ещё четырёх понятий: шестью словами (выбор части речи не ограничивался) описывали не только себя, но и абстрактную собаку, свою собаку (лишь в случае «владельцев»), Москву, природу Подмосковья. Та-

¹⁰ С.Д. Дерябо, В.А. Ясвин: *Методики диагностики и коррекции отношения к природе*. Москва, ЦКФЛ РАО, 1995, с. 147.

¹¹ А.Г. Шмелев: *Психодиагностика личностных черт*. Санкт-Петербург, Речь, 2002, с. 480.

¹² То есть по данным его ответов на 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла. В этом опроснике 16 личностных факторов обозначаются латиницей: сначала от А до О, а потом $Q_1 - Q_4$.

¹³ А.Г. Шмелев: «Каша из топора», или *История адаптации 16PF в России*. «Психологическая газета» 1999, № 5.

ким образом, каждый респондент проявил свои личностные особенности в 5-ти (четырёх для «невладельцев») средовых контекстах, что позволяет увидеть нюансы его психологических приоритетов в каждой из них.

Определение достоверности различий выборочных средних проводилось по *U*-критерию Манна-Уитни для независимых выборок.

Полученные в исследовании данные об особенностях потребностно-мотивационной и личностной сфер лиц с положительным и отрицательным отношением к *pet*-собственности демонстрируют наличие между указанными группами различий не ниже значимых.

Так, по части субъектификации, т.е. наделения человеком объекта природы функциями субъекта «владелец» и «невладелец» различаются достоверно ($p \leq 0,01$): субъективное отношение к домашней собаке «категорических невладелец» находится на нижнем уровне развития субъектификации природного объекта, «лояльных невладелец» – на нижней границе среднего уровня, «владелец» – на верхней границе среднего уровня. Эти данные, на наш взгляд, позволяют сделать вывод об особенностях потребностно-мотивационной сфер респондентов: в основе сознательного выбора человеком *pet*-взаимодействия лежит потребность в субъектификационном отношении к животному. «Невладелец», таким образом, потребности в позиционировании домашнего питомца (собаки) в качестве субъекта не имеют. Более того, с высокой долей вероятности можно предположить, что «невладельцы» не имеют потребности не только привлекать в свою жизнь животное на «субъектных» основаниях, но и расширять поле своих субъектных взаимодействий и на человеческом уровне.

Приблизиться к пониманию природы потребности в субъектификации лиц, выбирающих *pet*-взаимодействие с собакой, мы попытались, сравнивая личностные особенности «владелец» и «невладелец» в формате 16 *PF*, а именно сопоставляя 5 массивов личностных профилей (Я, моя собака, абстрактная собака, Москва, Подмосковье) трёх групп («категоричные невладелец», «лояльные невладелец», «владелец») респондентов.

Оказалось, что наиболее часто статистически значимые/достоверные различия между сравниваемыми группами зафиксированы для двух из 16-и факторов: *H* (застенчивость-смелость) и *Q*₁ (консерватизм-радикализм) – по 5 раз для каждого из них. Причём «владелец» всегда тяготеют к положительному полюсу фактора (смелость в социальных контактах, радикализм и восприимчивость к новому), «невладельцы» – к отрицательному (робость в социальных контактах, консерватизм). Иными словами, большая или меньшая выраженность первого комплекса личностных черт характерна (в среднем) для *pet*-собственников; второго – для лиц, не имеющих нужды в *pet*-взаимодействии. В выявленных различиях отражена активная и ориентированная на взаимодействие личностная позиция *pet*-

-«владельцев» и некоторая социальная пассивность (если не негативизм!) – «невладельцев». У первых, в отличие от вторых, можно увидеть потребность в расширении и активном сопровождении своего «социального ареала». А если к этому прибавить выявленную у «владельцев» потребность в субъектификации домашнего животного, то в личностной сфере *pet*-собственника мы сможем выделить склонность не только к социальным инновациям, но и к определённому уровню (типу) коммуникации – субъектному, по крайней мере, в определённом сегменте психологического пространства («человек – домашнее животное (т.е. природный объект)»). Неслучайно значимых различий между группами практически нет при оценивании урбанистического объекта – Москвы, но их становится больше (и именно по факторам *H* и *Q*₁) при увеличении доли «природности» в категоризируемом объекте, когда им выступает Подмосковье.

Таким образом, исследовавшаяся нами группа владельцев домашних собак, осознанно, ответственно и «гуманистически» относящихся к своим питомцам, отличается социально-психологической активностью и адаптированностью, уверенностью в своих силах, стремлением к новизне. Высокий социально-психологический потенциал и коммуникативная успешность в межличностном пространстве в сочетании с лояльным отношением к «нечеловеческим» формам жизни открывают для них возможности успешного, комфортного и, что наиболее важно, личностно развивающего межвидового общения. Понятно, что компенсационные моменты, лежащие в основе дефицитарной модели *pet*-отношений, согласно которой, роль домашнего животного сводится к компенсации/стагнации личностных проблем владельца, здесь если и присутствуют, то никак не являются определяющими.

Следует, однако, подчеркнуть, что данные заключения не характеризуют в целом «прикреплённых» владельцев собак, а только определённую часть этой социальной категории – тех, кто добровольно согласился подвергнуться психологическому обследованию. Известно, что уровень образования, социальный статус, интеллект, социальность испытуемых-«добровольцев» в подавляющем большинстве случаев выше средних значений. Это означает, что «прикреплённость» других владельцев, тоже осознанно, ответственно и «гуманистически» относящихся к своим собакам, но не попавших в наше исследование в силу своей низкой социальной активности, будет иметь другую природу – не исключено, что компенсаторную.

Представление результатов данного исследования российскому психологическому сообществу выявило проблему резкой и активной поляризации учёных относительно модуса оценки актуальности и значимости изучения межвидовой проблематики. С одной стороны, работа была встречена с энтузиазмом и одобрением, поскольку социальная практика

ставит множество вопросов, а научно обоснованных ответов на них очень мало, с другой, вызвала смешанное с пренебрежением удивление. На наш взгляд, основания такого отношения лежат не столько в теоретико-методологической плоскости, сколько определяются уровнем эмоционально-личностной зрелости индивида. Современная психологически взрослая позиция предполагает, в частности, не только высокий уровень экологической ответственности, но и, на наш взгляд, обязательное преодоление антропоцентризма как психологически незрелого способа достижения эмоционального комфорта за счет выделения человека из общего природного контекста на некую особую (высшую) позицию. В качестве «венца мироздания» гораздо легче не замечать своих собственных личностных изъянов, а главное – «автоматически» резервировать себе высокий психологический статус в противопоставлении человека существам другой, низкой, природы.

В обсуждаемом контексте антропоцентристская мировоззренческая установка может рассматриваться как психологически защитная, что очень осложняет научный диалог с её приверженцами, лишая его необходимой эмоциональной нейтральности. Будем надеяться, что со временем при снижении уровней новизны и неопределенности межвидовой проблематики научным сообществом будут сформированы и усвоены некие нормативные постулаты, и необходимость привлечения частной позиции исследователя в его профессиональную область будет устранена.

Abstract

The modus of the attitude towards the psychological problematic of Human-Animal Interaction as a marker of personal maturity

Today the psychology of human-animal interaction is a rapidly developing field of psychological research in western countries. In Russia there are some isolated works on psychological aspects of interspecies communication between humans and animals but these have not formed a separate research field so far. In order to analyse the causes of the 'pet relationships' phenomenon at the levels of needs and personality spheres, we conducted a comparative study of pet owners ($n=44$) and people who have no pets ($n=39$). The attached pet owners demonstrated a need for subjectification of the animal and orientation to a definite type of communication. Presentation of the results of this study to the Russian psychological community revealed the problem of acute and active polarization of the scholars regarding the assessment modus of relevance and importance of human-animal studies. Such a reaction could be determined by the level of an individual's emotional and personal maturity rather than by theoretical or methodological issues.

Keywords:

Human-Animal Interaction, pet interaction, subjectification, personality traits

Abstrakt**Stosunek do problematyki psychologii interakcji międzygatunkowej ludzi i zwierząt jako wskaźnik dojrzałości badacza**

Psychologia kontaktów ludzi ze zwierzętami domowymi (interakcja człowiek – zwierzę) to prężnie rozwijająca się na Zachodzie dziedzina psychologii. Natomiast we współczesnej psychologii rosyjskiej prace poświęcone aspektom psychologicznym komunikacji międzygatunkowej z udziałem człowieka nie stanowią odrębnego nurtu badawczego. W celu zbadania fenomenu relacji człowiek – zwierzę domowe z punktu widzenia ich przyczynowości i osobowościowej sfery psychicznej, przeprowadzono badania porównawcze właścicieli pupili (n = 44) i osób nieposiadających zwierząt (n = 39). U przedstawicieli pierwszej kategorii uczestników badań odkryto potrzebę upodmiotowienia zwierząt i dążenie do określonego typu komunikacji. Prezentacja wyników badań w gronie rosyjskich psychologów pozwoliła zwrócić uwagę na problem wyraźnego i aktywnego zróżnicowania stanowisk naukowców wobec modusu oceny aktualności i znaczenia badania problematyki międzygatunkowej. Może to być uwarunkowane nie tyle kwestiami teoretyczno-metodologicznymi, ile emocjonalnymi oraz osobistą dojrzałością jednostki.

Słowa kluczowe:

interakcja ludzko-zwierzęca, relacja człowiek – zwierzę domowe, upodmiotowienie, cechy osobowości

